

ЛЮБОВЬ ТУРБИНА

*Ангел
на велосипеде*

у НИКИТСКИХ
ВОРОТ

Москва
2017

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6,5
Т86

*Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации*

Турбина Л.Н.

Т86 Ангел на велосипеде / Любовь Турбина. – М.: ИПО
«У Никитских ворот», 2017. – 136 с.

ISBN 978-5-00095-273-3

«Ангел на велосипеде» – двенадцатая книга стихов Любови Турбиной; мир, открывающийся здесь, оказывается дорогой воспоминаний, воскрешающих образы, которыми отмечены повороты жизни. Подлинность лирического чувства, устремлённость к чуду, негромкое словесное колдовство говорит о естественности поэтического дара Любови Турбиной. Кроме того, у поэта есть редкая в нынешней поэзии способность прикоснуться к горьким событиям сегодняшнего дня и сохранить при этом дар любви и силу надежды.

© Турбина Л.Н., 2017

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2017

Перо нам — от птицы

* * *

Скарлатина, бумазая,
Ребятня вокруг, глаза...
На лоскутном одеяле –
Красный в розах лоскуток.
Вот везут меня в карете –
Безразлично всё на свете:
Тусклым голосом позвали
В неотложку, как в мешок.

Пожалели – косы целы...
Потолки и стены белы,
Я очнусь уже иною –
Оттащите от окна!
Мама в шляпке с вуалеткой,
След слезы глубокий, едкий,
Но прозрачной пеленою
Навсегда отделена.

Бумазая, скарлатина,
Долгий месяц карантина,
Все домашние задания –
Криво, косо, как-нибудь.
От кошмара, наважденья
Обрела освобожденье:
Вспомнить – дать тому название –
Что теснит и давит грудь.

БАЛЛАДА О БУЛОЧНОЙ

На перегибе лет виднее даты:
Опять снежок под валенком скрипит,
Мой молодой отец по Ленинграду
Идёт со мною за руку, сердит.
О булочной тех лет пою балладу,
Пусть замысел покажется нелеп,
Пять лет назад окончилась блокада –
По карточкам пока давали хлеб.

Отец молчит, и я как онемела –
Он не хотел меня с собою брать:
Ведь в очереди – будничное дело –
Нам долго с ним на холоде стоять.
Лицо толпы застывшее сурово:
Безропотно и ночь стояли все б,
Но только соль да праздничное слово
Необходимей могут быть, чем хлеб.

Я догадалась вдруг: вы сказки ждёте?
Со звоном в тишину упал пятак.
Вы не встречали Тима, дяди, тётки?
Он где-то близко, слышите – крик, крик!
Тим победил.

Я чувствую – гордится
Сейчас отец – как прежде был он слеп!
Оттаивали каменные лица,
Был необычно вкусен после хлеб.

Утёнок Тим – семейное преданье,
Взаймы из детства дерзости взять мне б
И наконец, всей жизни в оправданье,
Найти слова, насущные, как хлеб.

13 МАРТА

Внезапно сознаю – одна в квартире,
И на меня со стен сползает жуть...
Я чувствую – творится что-то в мире,
Но валенки никак не натянуть.

А баба в шубе с запахом горелым
Зачем за дверью?
Только неспроста...
Вдруг распахнётся, и белеет тело.
Страшнее смерти эта нагота!

И я ору, и голос свой не слышу,
По лестнице пускаюсь наутёк,
Лишь во дворе опомнюсь у афиши:
Трофейный фильм идёт с Марикой Рокк.

Весь Ленинград смотрел, ломились залы –
Заждались люди радости – пора...
На улице отца я не узнала,
В тот день и родилась моя сестра.

* * *

Зал филармонии, школьная форма, бельканто.
Ангелы с трубами, розовотельные музы,
Ищешь ошибки во время проверки диктанта,
Ноги как спички, и детская шуба кургуза.

Тайное общество, дерзость, чернильные пятна –
Ветру доверяйся, всё дальше и дальше от дома,
За угол, круто налево – вернись ли обратно?
В преображённой реальности всё по-другому.

О возвращенье загадывать было некстати –
Мимо каналов, канавок, с подножки трамвая...
Но кругосветное плаванье в шхуне-кровати,
С каждой попыткой всё более не достигая.

Ветер с Невы всё пьянее, но запах помойки –
Чур меня! Даже мурашки – слегка укачало...
Как оркестровая яма во время настройки –
Вычленишь в шуме мелодию
лишь предстояло.

* * *

Вот стою на пороге, всем ветрам отверста, –
В узелке уместилась вся кладь,
Ещё бродят по свету сколько хочешь ответов,
Кем угодно могу ещё стать.

В сжатой почке энергия взрыва!
Я ещё не отрезала кос,
Беззащитна, сутула, почти некрасива,
Принимаю всё сердцем, всерьёз.

Жизнь в предчувствии тайного дара
Манит в гущу событий и лиц...
Бедный князь – мой двойник –
с узелком из фуляра
Отпустил меня
с книжных страниц.

ТАВРИЧЕСКИЙ САД

Он протянул навстречу вдруг
Ладонь – из юности той дальней –
И выраженью «кисти рук»
Вернулся смысл первоначальный.

Точней старинным словом «длань»
Тут подойдёт – так пальцы гибки...
Срок подошёл – взимаем дань
За те нелепые ошибки.

Касаний лёгких колдовство,
Весь сад Таврический в сирени.
Он тесен нам, но отчего
Мы явно избегаем тени?

На лавках чинные старушки
Сидят с тех пор, давным-давно,
Когда пропажею игрушки
Здесь детство было смущено.

Но час кончается, и даже
Я говорю сама: –

Иди!

Ещё сознание пропажи,
Весь главный ужас –
впереди...

ПО БОЛЬШОЙ ПУШКАРСКОЙ

Скучаю сладко так я по Большой Пушкарской,
Где красят особняк, запущенный и барский,
Скучаю нежно в нём по комнате просторной,
Где полумрак и днём за шторую узорной...

Но как читалось нам на бархатной кушетке!
Скучаю по шагам назойливой соседки,
По множеству вещей, без коих нет уюта:
По чистке овощей и по мытью посуды,

По запертым дверям с щеколдою старинной,
По вальсу и свечам на полочке каминной...
Нас уносил Шопен куда-то по спирали,
Грядущих перемен понятен смысл едва ли;

Свечение двух лиц – напротив, с чашкой чая,
Общенье без границ – я по тебе скучаю!

НОЧЬЮ БЕЛОЙ

А в Петербурге майском – ах!
Сирени в слипшихся цветах,
Как и когда-то, ночью белой,
Дал обещанье – жизнь назад:
Приду – пусть будет камнепад...
Не дождалась я, не сумела.

И львов крылатых у моста,
Где нам закат сомкнёт уста
Пред темнотою вечной, Боже!
И о Венеции мечта,
Где всё – распада красота,
И с Петербургом летним схожа.

А на Сенной теперь метро,
И от ларьков вокруг пестро,
Свернёшь – и вновь гранит канала.
И тень моя скользнёт к воде,
К той маслянистой, тёмной, где
Живое всё берёт начало.

Дай боже, минуют несчастий пучины,
Не скоро проступят все эти морщины...
Смиранный набросок с непрожитых лет –
Дороже, чем прочие, этот портрет.

Что общее в обликах кроме берета?
Четыре дороги, четыре ответа,
Как надпись на камне: «Направо пойдёшь...»,
И в каждом есть истины доля – и ложь.

II

Благословенная Крыжовка

ДОМ В САДУ

В полдень июльский легко и прохладно
Дышится – сад одичал и зарос,
Но у веранды сервизом парадным
Светятся белые чашечки роз.

Лестница вверх – и ступени запели,
Слоем не пыль – золотая пыльца.
Прикосновение к тёплому телу
Деревя пола, и стен, и крыльца.

Только дотронешься – память упрямо
Нить свою тянет из прожитых лет:
Счастье связало с присутствием мамы,
С местом, где дышит на всём её след.

ЗАБЫТЫЕ ЗНАНЬЯ

К вечеру вспомнят поверья
Светлые пятна озёр...
Страшно утратить доверье
Братьев своих и сестёр.

Травы, деревья и птицы
Словно чужая страна:
Вдруг угадаешь их лица,
Вспомнишь с трудом имена.

Но, пониманье утратив,
Как-то и слушать отвык
Посвист укрывшихся братьев,
Сестринский древний язык.

Ветви протянут объятья,
Прежде чем вспыхнет костёр, –
Руки покинутых братьев,
Слёзы далёких сестёр.

ВСПОМНИТЕ МЕНЯ!

Где центр стремительного круга?
Стрижи по небу чертят дуги
На закате дня,

И ужин в доме ждёт остывший...
Все далеко, кого любила,
Помнят ли меня?

Из гнёзд пустых не слышно пенья,
Несу охапкою поленья –
Греться у огня.

Дрова сухие пламя гложет,
Но среди них сгореть не может,
Тлеет головня.

Ну хоть бы скрипнули ступени!
Опять в углах скопились тени,
Тишину храня.

Я не прошу любовь обратно,
Но в час печальный, предзакатный
Вспомните меня!

ПРОЩАЛЬНОЕ

Прозрачное небо, безлюдный перрон,
Туман над болотами тает,
И тонкое облако – словно перо
Из крыл улетающей стаи.

Бежала берёза, взмахнула косой,
Платок обронила узорный,
И осень впивается в сердце осой –
Сама золотистая с чёрным.

И просит чуть слышно – укройся, усни,
Ещё не поспели невзгоды...
По веткам стихают сентябрьские дни
Янтарными каплями мёда.

Но утренний поезд появится пусть
Пустой – позовёт издалёка,
Прощайте, деревья, и травы, и грусть
Последней минуты отлёта.

МИЛЛЕНИУМ

Тысячелетнее лето почти отошло,
Август закатный, и свет непогасный, прощальный...
За угасающим солнцем следить сквозь стекло –
Мне порученье, но смысл ускользает глобальный.

Слово «Помедли!», сорваться готовое с губ,
Не прозвучало, и поводов было немного –
Так от начала до самых архангельских труб
Верх любопытство одержит и гонит дорога.

От электрички – шоссе и налево забор,
Этой дорогой меж сосен – привычный сценарий.
Каждую осень – повылезут звери из нор,
Множество смыслов являет лесной бестиарий.

Смотрят в упор – не встречайся глазами, бегом
Этой дорогой, итоговой и многолетней,
Вот деревянный, старинный родительский дом:
Дверь приоткрылась, и луч преломился последний.

III

Экзамен по литературе

14 СЕНТЯБРЯ

Вновь сентябрь устало
Красит охрой траву...
Я однажды летала
Не во сне – наяву.

Все тесны оболочки
Духу – в час торжества,
Новорожденной дочки
Крик победный: жива!

Я вернулась обратно,
Смертный смерив предел,
Став сильнее стократно,
Но белее, чем мел.

Многоцветно, опасно
Зацвело бытие,
Только мне неподвластно
Стало тело моё.

Лишь стекло помешало
Окунуться в зарю...
Еле ноги таскала,
А казалось – парю!

ПЕРЕД СНОМ

А этим взрослым – что им надо?
Зачем укладывают спать?
На кухне головы из чада
Торчат –
 во что начнут играть?

Уже и форточка открыта...
За ними нужен глаз да глаз!
Заплакать, что ли? И сердито
Мне закричат:
 «Иду, сейчас!»

И та, что мне казалась мамой,
Хлебнёт из склянки на столе:
Вдруг станет ведьмой страшной самой,
Взовьётся в небо на метле.

И то ли ведьма, то ли птица
Неслышно сядет на кровать:
Ну что, малышенька,
 не спится?
Зачем так страшно ревновать!

ЭКЗАМЕН ПО ЛИТЕРАТУРЕ

Летней Одессой в трамвайном вагоне –
Дочке одиннадцать лет:
«Но Николай не женился на Соне?» –
Трудный мне выпал билет.

– Если в «Войне» есть аспект исторический –
В «Мире» бал правит любовь!
– Где справедливость? – Вопрос риторический,
Но попадает не в бровь.

Глаз этих детских листочки зелёные
Требуют точный ответ.
Вот и раскаты грозы – отдалённые,
Сполохи – резкий их свет.

В сердце ребёнка – открытая рана,
Ветер свечу не задул.
Рыбка дорвалась до океана,
Мечется между акул.

Лев Николаевич, сон как агония,
Дочь – ускользящий след...
Ну поженил бы Николеньку с Сонею –
Сколько бы не было бед!

М. ЛЕРМОНТОВ

М. Лермонтов, томик потрёпанный, вечер метельный.
Меня опоили отравой, отравой смертельной...

Я – школьница класса шестого в чаду «Маскарада»,
Меж жизнью и мной наконец-то исчезла преграда.

Из дома хотелось куда-то бежать ежечасно
На голос далёкий... За край уцепилась – опасно.

.....

И только потом, ухватившись за ручку ребёнка,
Под этой охраной вернулась, и хрупкой, и тонкой,

Прислушалась снова к далёкому тайному зову,
Невнятному ныне, и голос не прежний, суровый...

Тропа заросла, не ступить, под ногою – трясина...
Домой воротилась – такую застала картину:

Потрёпанный томик читает подросток, чадо,
Невидящий взор поднимает от строк «Маскарада».

РУДИН

Русские лишние люди –
Это не барская блажь,
Нет, не Онегин, а Рудин –
Вот удивительно наш!

Нет, не Печорин, но Рудин –
Бедности чѣрстой в когтях,
Ибо бюджет его скуден –
Часто обедал в гостях.

Нет, не Обломов, а Рудин –
Идеалист, книгочѣй,
Речь произносит – и чуден
Взор его в блеске свечей.

Благоухает жасмином
Южная русская ночь...
Поздно. Опять по равнинам
Мчится в кибитке он прочь.

В той мировой круговерти
Спутались судьбы идей...
Рудин. Полшага до смерти
Множества лишних людей.

Нет, не погиб он в Париже
И, если верить молве,
С красным полотнищем вышел
К Белому дому в Москве.

Выстрел тяжѣлых орудий,
И, как рассеется дым,
Знамя поникло, – и Рудин
Тихо скончался под ним.

ПУШКИНСКИЕ ДНИ

Дни Пушкина в начале лета –
На стихотворцев – дивный клёв!
Так Меккой каждого поэта
Был нынче выбран Могилёв.

Купальский лес и дух хмельной
Дразнили издавна приятно,
Друзья, оставленные мной,
Пока я ехала обратно,

Всё вспоминались... Погодя
Вдруг на лицо моё упали
Прямые волосы дождя
И пряди мокрые печали.

Да, верно – сердце не забыло
Способность лёгкую – страдать,
Привычно праздник покидать,
Пока веселье не остыло.

Нас гений Пушкина настиг,
На всех – один, попеременно,
На день, на час, на миг, на стих –
Чтоб не погас огонь священный!

ОТКУДА В МИНСКЕ МИССИСИПИ?

Когда туманная зима
Уводит в грешное свиданье,
То грёзы – прихоти ума –
Лазейку ищут оправданью.

Не путь – изгибы либерти,
Разлётся город в сонном всхлипе,
Осталось реку перейти –
Откуда в Минске Миссисипи?

И странно – этот дом возник,
Когда под мост несло течение...
Жилище сложено из книг,
Но на сегодня хватит чтенья.

И фортепьяно, и огни,
Окно – за ним пейзаж отечный...
Ужель решимся мы (они?)
Глотнуть печали этой вечной?

ПОЕЗД МИНСК – МОСКВА

И грянул снег, когда из тени
Подал незримый кто-то знак,
И ты в вагон вошла – на сцене,
И чепчик вспыхнул, словно мак.

Твой нежный, мудрый, как у мамы,
Прощальный взгляд меня пронзил.
А поезд вдруг по ходу драмы
Неотвратно заскользил.

Вот крупный план – мелькают руки.
И мимо надпись – «Минск – Москва».
По всем канонам при разлуке
Мы не сказали те слова.

Исчез вдали твой чепчик красный,
Лишь снег мелькает, как слюда...
Всё как в кино, но страшно, страшно –
Ты уезжаешь навсегда.

«ТРИ СЕСТРЫ»

Вдали по дереву стучали...
И страсти выплеснулись в зал:
Конец столетия – в начале
Себя, как в зеркале, узнал.

На перекличке поколений
Зачем искать – кто виноват?
Чтоб больше света, меньше тени,
Срубают мой вишнёвый сад.

И три сестры, у рампы стоя,
Твердят своё: в Москву, в Москву!
А мы с сестрой напротив – двое,
Но это нас они зовут.

Был путь непрост, тернист, печален,
Но вот итог пока такой:
Конец с началом впрямь зеркален –
Срубили липы на Тверской.

1999 г.

БУЛЬВАРНОЕ КОЛЬЦО

Вокруг Бульварного кольца
Проходим молча напоследок,
Начатки листьев, как пыльца,
Позолотили пальцы веток,

Образовав овальный свод
Для торжества в природном храме.
Мы тянем взоры ввысь, над нами
По мановенью – чирк! – вот-вот
Зелёное запляшет пламя.

Но медлит что-то – у Творца,
Наверно, спички отсырели...
И тополя, и запах прели
Вокруг Бульварного кольца.

СОН В ПОЕЗДЕ

Мне снилась чудесная книга
С обрезом страниц золотым;
Запутанной жизни интрига
Решалась в ней ходом простым.

Зелёным, и белым, и алым
Расчерчен был мраморный пол,
В пространстве открывшийся залом,
А зал этот – шахматный стол.

Застыли любимые лица –
Фигуры на поле: вот-вот
Сейчас приоткроет страница
Единственно правильный ход.

Лишь лёгкое пальцев касанье,
Щуршанье бумаги –
и вдруг
Магическое молчанье
Нарушил
настойчивый
стук!

Возникла в купе проводница,
Ворвался ночной пассажир –
Сон сгинул, погасла страница,
И тени умчались в эфир...

IV

Ускользящее чудо

* * *

Жизнь – упущенное чудо...
Лоскуток цветной бумаги
В сумке прачечной – откуда? –
Я нашла, насквозь от влаги

Мокрый – дождь размыл узоры...
Вдруг пронзило – в эти числа
Длились в домике у моря
Дни, исполненные смысла.

Сколько – вспомнить бесполезно –
Золотое изголовье,
Мост, раскинутый над бездной,
Именуемый любовью.

Как просвет в иные сферы
В череде линейных буден:
Праздник сердца – Джампиерро –
Нежно имя, облик чуден.

Не вцепилась мёртвой хваткой,
Ожидая знака свыше...
Так я плакала украдкой,
Дробный стук копыт не слыша:

Скачет конь судьбы – и рядом
Радость – это рыцарь риска,
Вездесущий Мальдис Адам
Мне везёт твою записку!

ТЫ ЕСТЬ!

Ты есть – случилась весть
В миру невзгод и бедствий.
Не объяснить, не счесть
Первопричин и следствий.

Иных, чем лёгкость плеч,
Не требуй подтверждений,
Укрыть от глаз, облечь
В покровы сновидений.

Осилив Лету вплавь,
Замри, умри, воскресни!
Как в явленную явь,
Вплывая в Песню Песней.

О бедный Соломон!
О Суламифь нагая!
Течёт по жилам звон,
Стихи из слёз слагая...

Качается ковчег –
Живое вечно хрупко,
Стряхнув с оливы снег,
Проносит весть голубка.

ЛЮБЛЮ

«Люблю» – слово вылетит вместе с дыханием
И миг растворится навечно в молчанье
Так ветер уносит и листья, и нас,
И вечер октябрьский прозрачный погас.

«Люблю» – ты не сгинешь безвестным во мраке!
Плывут облаков торжествующих флаги,
Не листья опавшие – праздничный хлам –
Всё золото мира ложится к ногам.

Я МНОГОГО НЕ ПОНИМАЮ

По вечерам я прячусь в ванной,
Одежды тесные снимая,
Жизнь представляется мне странной –
Я многого не понимаю.

Утихли прежние порывы:
Погас маяк, не видно цели...
Душа, как море в час отлива,
Свои зализывает мели.

И в досягаемости шага
Не отыщу янтарь среди ила...
Прими в себя, праматерь-влага,
Верни уверенность и силу.

Труба с водой доносит пенье –
Мать наверху купает сына.
Внизу, за тряпкой – запустенье:
Паук сплетает паутину.

Стыд наготы, кошмары детства –
Течёт вода, смывая пену...
Любовь – единственное средство
Избегнуть собственного плена.

ПРЯЖА

В электричке, трамвае, на пляже
Много женских склонившихся лиц,
Приглядишься – реальность из пряжи
Сотворяется с помощью спиц.

И бормочется тайное что-то...
Корневая прослежена связь:
Не о том ли пытаются тщетно
Нам поведать старинная вязь?

Петля к петельке – ровно, красиво,
Ни оборванной ниточки – глянь.
От удара, навета, разрыва
Защитит рукотворная ткань.

Петля к петельке – сколько терпенья!
Так прочна эта тонкая нить...
Мама скажет: вязанье – везенье,
Доля наша такая – хранить.

БУРЬЯН

Ну вот и совпали все сроки –
Взбегаю босая на мост
И в пыльное море осоки,
Где оба мы скроемся в рост.

Бурьян ощетинится острым –
Колени в царапинах сплошь,
Мгновение ящеркой пёстрой
Застыло, пульсирует дрожь.

От жажды сухая до трещин
На ощупь земная кора...
Ты был так давно мне обещан,
И полдень восходит – пора!

Плывут в ореоле лиловом
Цветы, и рубаха, и зной...
И яблоко – круглое слово –
Упало, надкушено мной.

ПРИЧАСТНОСТЬ

Как ладони его бархатисты,
В темноте он настойчив – и тих...
Это ветер потрогал монисто
Из ракушек – и спрятался в них.

За пустынной поверхностью пляжа
Мерно плещет незримая гладь,
Тополей серебристая стража
Метит копьями звёзды достать.

Вторит трепету звёзд не случайно
Пульс прибоя у кромки песка –
И сигналом причастности к тайне
Трижды вспыхнул огонь маяка.

МАРТ

В.Н.

День весенний, сырой и туманный –
Цвета глаз твоих, запаха губ...
День насупленный, сумрачный, странный,
Нарастающий медленный гул.

Всё напор, наступленье, начало,
Напряжение сжатых пружин.
Попросил разлюбить – обещала,
Будто вовсе и нет тебя, жить...

Только в почках – набухшая горечь,
Ты повсюду – моя ли вина,
Что тобою насыщен весь город,
Серый день, и туман, и весна?

ЕРМАКА ПОКОРЯЕТ СИБИРЬ

Н.П.

И теперь мне поступок тот дивен –
Больно смело я выбрала путь:
Под повальный, невиданный ливень
Без плаща со ступеньки шагнуть!

Примеряли Москву, как обновку, –
А в глазах – затаённая стынь...
Не спеша обошли Третьяковку,
Сад Нескучный, Донской монастырь.

Чтоб острее почувствовать корни
Побродили босые меж плит...
Что травую засеяно сорной –
Всё равно не забылось, болит.

А земля эта близкая, злая
Не щадила – колола и жгла.
А любовь ли была – я не знаю,
Но полнее потом не жила.

Но с тобой – необузданным, вольным –
Я вдохнула российскую ширь:
Где-то Разин гуляет по Волге,
Ермака покоряет Сибирь.

ТАНЦЫ

О жизненных соков брожение древнее – танцы!
Крушение карьер и барьеров, сближение дистанций,
Слова так сложны, так мертвы, многозначны
и лживы.
Ритмичным движеньем, раскованным жестом
мы живы.

О бурные танцы,
вы долго пробудете в моде,
В вас выход и выплеск запаса
тревожных эмоций,
Мелодия страсти и тема разгула инстинктов:
Сумей за себя, а напротив –
партнёр и противник.

И тот, кто обычно, как язву,
несёт отчужденье,
Всеобщей вибрации отдал себя
с наслаждением.
О, если б однажды раскрыться суметь
на бумаге
С той дерзкой свободой, как в танцах
под музыку мага.

Но темп замедляется,
пары сближаются в холле,
Друг к другу влекомые мудрым
законом диполя.
Сужается круг, а с ним вместе –
снижаются шансы
Объятия рук разомкнуть.
Продолжаются танцы!

БУРГАС, ПРИМОРСКО

Миг, единства с миром полный,
Россыпь звёзд и воздух влажный...
А лица его – не помню,
Впрочем, это и не важно.

Что же всё-таки случилось
На земле горячей, древней?
Снизошла любовь, как милость,
Всё окрасил свет волшебный.

И шептались по-болгарски
Над бунгалом листья дуба...
Только ночь – подарок царский,
Чтобы сразу вырвать грубо.

Вечер, ночь – а утром рано
Подкатил чужой автобус,
И навек разлуки рана
Накренила набок глобус...

В самом центре мироздания
Четырёх начал природы
Лишь короткое касанье,
А энергии – на годы.

БЛАГОДАТЬ

Это не усталость, это зрелость,
Отошли сомненья, зависть, злость,
Прозвучало то, чего хотелось,
Более ли, менее сбылось
Главное –
 стал мир почти прозрачен,
И, как ласка, близко благодать...
Лишь того, кто был мне предназначен,
Так и не сумела
 отгадать.

Утекающее время

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЦИФЕРБЛАТ

Ах, электронный циферблат,
Из точек огненных мгновенья,
Преобразился круг в квадрат,
Исчезла вера в повторенье.

Ты ждёшь, надеешься – и что ж,
Блестящей циферкой поманит
И вдруг провалится, как грош
В дыру у вечности в кармане.

Уже пропели петухи,
Но что-то нечисть расплодилась,
Две стрелки словно две руки,
Но связь меж ними надломилась.

Уже просыпался песок
Сквозь перешеек тонкий, узкий,
Но кровь пульсирует, как ток,
И сердце бьётся под нагрузкой.

Больное время – крупный счёт
Предъявлен – всё на исцеленье,
Что береглось из рода в род,
Из поколенья – в поколенья!

ПЛЕННАЯ ПТИЦА

Как безропотно листья ложатся на крышу...
Осень позднюю в мамином голосе слышу,
Словно пленная птица, мама смотрит в окно:
Много жести, бетона.
А дерево – только одно.

MAME

Она сидела на полу и грудку писем разбирала.
Ф. Тютчев

Она присела на диван,
Склонясь над грудой лоскуточков,
И жизни прожитый роман
По ним читала, как по строчкам.

Прельщает глаз зелёный цвет –
Когда он был любимцем моды?
Так собираются в сюжет
Разрозненные эпизоды.

Вот примечательный узор:
Сам синий, поле голубое...
Немой ведётся разговор
С осуществившейся судьбою.

Немного с возрастом утех...
И лучшая – на ткани глядя,
Невольно вспомнить свой успех
В том крепдешинном наряде!

Немые на сторонний взгляд
Кусочки шёлка или шерсти
В душе мгновенно воскресят
События, жгучие до смерти.

Мировоззренческий вопрос –
Ты в чём? Материя первична.
О, сколько радости и слёз
Нашла она в узле тряпичном!

ЩЕДРОСТЬ СЕРДЦА

М.А.

До петельки последней, до обрыва
Исполненная жизни и борьбы...
О, как же ты хотела быть счастливой!
Но все снесла немилости судьбы.

Как без тебя здесь холодно и сир...
Но доброта не ведает конца:
О ты, приготовляющая мир!
Скрепляющая щедростью сердца!

ОБРАТНОЕ ЗРЕНИЕ

С годами приходит обратное зренье,
И видится детство особенно ярко:
Дороже мне было отца одобренье
Любого подарка.

Но помню и это – сплошные сомненья:
Испорчено платье, плохие отметки...
Непросто жилось мне – отца одобренье
Звучало так редко.

А может быть, жаждал он сам восхищенья?
Моя виноватость его раздражала...
Довольно, оставим вину и прощенье –
Так времени мало.

Я помню о трудных правах первородства,
Сумею ещё, одолею усталость...
И гордость – бесспорное профилей сходство, –
И нежность, и жалость.

* * *

Ксении

Сжимает сердце тревога –
Неизвестного гостя ждём,
Что медлит сейчас у порога,
Перед тем как войти в этот дом.

Ветер ломает стены,
С улицы тянет стынь...
Выйди на свет из тени,
Покрывало с лица откинь.

Но глубже окно и шире,
Тучи скользят, как дым...
Всё повторяется в мире,
Но каждый – неповторим.

Как много веков когда-то,
Луна склоняет свой лик...
Матери имя свято,
Входящий всегда велик.

ВИЗИТ В УЗКОЕ

Вот поворот – и видишь сразу –
Стоит кирпичной кладки арка,
Через неё пройдёшь – и в парке:
Покой души, отрада глаза.

Увы! – Но с каждым днём всё уже
Клочок земли обетованной,
Прекрасен в оттепель и в стужу
Приют гармонии желанной.

Как праздник, краток день январский,
И город окна зажигает,
Кольцом костров орды татарской
Москва над Узким нависает

С его часовней православной...
И нет спасенья от прогресса,
Наутро грянет бой неравный
На полосе последней леса.

Пусть так... Но тьмой укрыты стены,
Дай Бог –

и станет слышно Слово:

О вечном, женственном, нетленном
Напомнит призрак Соловьёва.

Грешно спастись в одиночку.
Когда исполнятся все сроки –
Дай Бог –

одну припомнить строчку

И не споткнуться на пороге.

РАССЫПАННЫЙ РОМАН

Кто камень катит вверх – сорвётся.
Чем ближе к цели – тем больней.
Никто на крик не отзовется.
И нет просвета в чаше дней...

Вот мертвечина из тумана
Скрипит, ползёт, бормочет вздор...
И жизнь – из связного романа –
Опять – в рассыпанный набор.

МОСТ

Этот мост через речку – бегом по мосточку!
Только досточки-косточки хрустнут,
и рухнут,
и точка.

А вода холодна, зелена, и густа, и глубоко...
Но сюда никого не приводит дорога до срока.

А на том берегу только конь,
только стог под навесом,
И в окошке огонь,
но далёко-далёко, за лесом.

Кто коня выгоняет в ночное –
увидишь однажды,
Возле самой воды утолить
не позволено жажды.

Это место –
знакомое будто –
нарочно забыто.
Губы памяти ниткой суровую
прочно зашиты.
Скрылись лебеди-гуси-гонцы
сквозь прореху в закате
До поры –
на счастливой рубахе –
заплата к заплате.

Ни парома, ни лодки –
лишь мост этот
ветхий, непрочный,
И туман над рекой поднимается
плотный, молочный...

VI

Сны-городá

СНЫ-ГОРОДА

Сны-города... Просыпаясь, остыну от плача...
Всё как тогда, иногда, понемногу –

иначе,

Там, за кирпичной стеной –

поворот и калитка:

Справа налево завит переулок улиткой.

Диким плющом затянуло балкон наш

и хмелем...

С юности, очень давно,

наизусть, еле-еле,

Робко по клавишам,

пальцы сбивались со счёта,

Каменных лестниц ступени,

перила,

пролёты,

Двери беззвучны,

и зеркало тускло в прихожей...

Сны-города,

но всё уже дорога туда

и всё реже прохожий.

ВИЛЬНЮС

Лёша – лёгкость, летучесть, любовь...
Был тогда ещё Вильнюс без визы.
Снег и свечи, оплавлены в кровь
Остробрамские светлые ризы.

Вильнюс – вольность, литой сундучок,
Ключ в толпе у горы Гедимина.
Тёмной Нерис струится поток,
Близко бродят лихие литвины.

Это помнится с тех пор, когда...
Мир меняет свои очертанья –
Все уплывшие сны-города,
Влажность голоса, лёгкость касанья.

СТАРАЯ РИГА

Прилепилась к стенке стенка,
Затвердели маски в крике,
По разбитой в кровь коленке
Вспомнишь вдруг об Эвридике,

Что скользит неслышной тенью
В самый жаркий полдень лета
Узкой улочкой – к забвенью,
К темноте зимы – из света.

В краткой длительности мига
Обернёшься – я растаю,
У фонтана в Старой Риге
И прощаюсь, и прощаю.

Вальса волны и воланы
От оркестрика под липой,
Голос влажный и желанный
В трубке – словно моря всхлипы...

ПАНИ ВАРШАВА

Не чужая я здесь,
и походка легка небывало...
Свою первую, юную Польшу
протанцевала:
Душистый горошек, гвоздики,
Сквозящий мотив «Эвридики».

Были волосы длинные,
прямо висящие в моде,
Как теперь, но в Варшаве,
во Вроцлаве,
в Лодзи

Все те, кто войну пережили,
Тогда ещё русских любили.

Ах, какие то были блаженные,
длинные танцы:

Чехи, прочие шведы
и даже новозеландцы...

Стояло дождливое лето,
Узнала на танцах полсвета.

ВЕНЕЦИЯ

И наконец Венеция позвала
(Действительность забавней карнавала!) –
Тревожилась – узнаю или нет?
Но – золотая маска на булавке...
Как волновался весь отдел доставки:
«Венеция» – помечен был пакет.

Не дальность, нет – другое измеренье:
Мечта, реальность, вымысел, виденье
Причудливо в душе переплелось...
Венеция – гребцы, гондолы, лодки,
Вы, серый плащ, скользящая походка,
Фиалки глаз и платина волос.

Венеция – старинная гравюра,
Фортуна, фатум, случай, авантюра,
А я давно рискованно живу...
Не одолеть в душе набухшей тягу,
Но город погружается во влагу:
Венеция – во сне и наяву.

РИМ

Мне, родившейся в Ашхабаде
В саменьком сорок втором году,
Выжившей только молитвою мамы, –
Думалось ли, что в Рим попаду?

Где на школе временной, вертикальной,
Словно на притолоке дверной,
Все поколения вдруг предстали
Разом – пред изумлённою мной.

Отблески рая сквозь дымность ада...
Вечный город всегда в пути –
Мне, из военного Ашхабада,
Жизнь доверила обрести.

АМСТЕРДАМ

О тихий Амстердам...
Мой светлый лебедёнок –
Вот наконец ты там,
Сирена и ребёнок.

Впервые в стае тех,
С тобой одной породы –
Здесь серебрится смех
И мирно льются воды.
Здесь платина волос –
Обычная раскраска,
Обличие, не маска.
А город как наркоз

Хронической печали,
Той, что поэты знали
И даже Бальмонт сам,
Воспевший Амстердам...

ПАРИЖСКИЙ СОНЕТ

Мне чудно помнятся глубокие вокзалы
И дом среди кустов сплетающихся роз,
Усталый Нотр-Дам, где музыка звучала
И трогала до слёз.

И луврские запущенные залы:
Направо – Гро, налево – Грёз,
И острые углы Латинского квартала:
Совпало всё – не в царстве грёз.

Вся прожитая жизнь, и эти две недели,
Когда Больших бульваров камни пели
Мне голосом простуженным Пиаф

И тени те просвечивали еле
Сквозь эти вот летящие без цели
Пылинки счастья – воздуха состав.

СЕНТ-ЖЕНЕВЬЕВ-ДЕ-БУА

Два выпуклых стекла,
скрепляющая дужка,
Две линзы на могиле,
слабый свет.

И траурницы вяло
друг за дружкой
Порхали, шелестя
какой-то бред.

Две бархатные бабочки с одышкой
Взлетали тяжело среди имён
Известных на Руси не понаслышке
Героев, гениев и дам былых времён.

И бунинское «Лёгкое дыханье»,
И тихий шепот:
«Вечером у Клэр?»
А Сталкер лёг в магическом молчанье
И образы следил
из дальних сфер.

Казалось, так легко
поддаться нежной силе,
Которая остаться тут влекла,
Что я очки забыла на могиле,
Но всё-таки вернулась
и нашла.

VII

Восточные мотивы

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД

Как плод запретный – без изъяна,
Всего живущего исток –
О заколдованный мой, пряный,
Манящий, шёлковый Восток!

И вектор сердца тайно, дерзко,
Стрелюю – вдоль сухой травы,
И ветер предчувствия – из детства –
Легко коснётся головы.

И это лёгкое дыхание –
Как в день творенья, воздух сух,
В миг долгожданного свиданья
Земля коленям – словно пух.

Ещё Европы нет в помине –
Уже распахнут твой шатёр...
Мне не забыть, когда покину,
Ковровый красочный узор.

Цветы и фрукты всё дороже,
Но снова щедро льётся кровь...
Коварный, пагубный – и всё же
Тебе, Восток, моя любовь!

КОЧЕВНИЦА ИЗ АШХАБАДА

...И новых людей из невиданных мест
Узнали, хлеб-соли отведав.
Неделя – сплошной сумасшедший отъезд,
Прости, что я первая еду.

Обыденность – вот испытанье любви,
Она не грозит нам – я рада,
С рожденья бацилла метанья в крови
Кочевницы из Ашхабада.

А может, пора возвращаться туда –
К истокам, где время неспешно
Струится, как в тихом арыке вода,
Не здесь – в суете безутешной.

Но там сотрясается всё до глубин
Во время землетрясения...
И всюду – разлуки, и выход один:
Надежда
и долготерпенье.

ПУШКИНСКИЙ ПРОФИЛЬ

А.А.

Пушкинский профиль, и смугл, и кудряв, и стихи –
Мало ли что померещится в свете нечётком...
Не убежать – по ступеням скользнут каблуки,
Сердце провалится в ямочку на подбородке.

Это ещё увертюра, вступленье, канун,
Но в Намангане, в экранных обрывках балета:
«Я же сказал тебе сразу – Лейли и Меджнун»,
Там танцевали и правда Ромео с Джульеттой.

Было и будет, и всё умещается в ряд:
Тар заиграет – мне слышится голос жалейки...
Пляшешь свирепо, воинственно, с музыкой в лад,
Издали взглядом следит за Юсифом Зулейка.

Было... И радость общенья ничем не вернёшь,
Если не вспомнить подробно, подённо, дословно:
Над переводом склоняюсь прилежно – и что ж?
Ты между строк улыбнёшься, окликнешь любовно...

ПОСВЯЩЕНИЕ В ВОСТОЧНОМ СТИЛЕ

Т.Д.

Узор затейливый, ажурный
Вокруг толпы многофигурной,
Вы – в центре, с розою пурпурной
У самых ног Махтумкули.
Средь лунных кратеров дорога
Вилась всё выше, ближе к Богу,
О тех местах Вы знали много,
И маков капельки цвели.

Купе – обратное движенье,
Ночь в мощном поле притяженья,
Как золотой песок, мгновенья
Сквозь пальцы медленно текли...
Преображающее чудо:
Египет Древний – ты оттуда?
Вы угадали, но не буду,
Не это помнится вдали.

Увы, не зреют в мае дыни,
Сюжет не кончился и ныне,
Ранимость ваша в младшем сыне –
Законы Менделя строги.
Облучена опасной дозой,
Восхищена ветвистой прозой,
Вас вижу я с пурпурной розой
В тени великого Фраги́.

БАКУ

Этот город – корабль на закате,
Этот чёрный – по красному – дым
Уплывает – не плачь об утрате,
Но запомни навек дорогим.

Я стою на балконе высоком,
Море дышит – и ныне, и впредь...
Всё живое стремится к истокам,
Срок назначен – уже не успеть.

Но расстаться совсем – невозможно,
Уплывёшь – я опять завлеку,
И кинжалом отточенным в ножны
Имя города ляжет в строку –
Баку!

КРАСНОВОДСК

Ночь в Красноводске – звёздный свод –
И скверик в зелени сиротской,
Где праздник свой отметит флот –
Ночь в Красноводске.

Печалью вечной веет с гор...
А ты был ласковый, беспечный,
Не замечал моей в упор
Печали вечной.

Мы ели дыню – сладкий плод –
Из орошаемой пустыни...
У райских запертых ворот
Мы ели дыню.

Ладьёй Харона в царство тьмы,
И нет обратного парома...
Спасая жизнь, бежали мы
Ладьи Харона.

ФЕРГАНА

Багча шамал – в саду ветров
Не пир – персидские эмали,
Закатом золотятся дали...
И мы – среди земных богов
В багча шамале.

В тени Бабура – мушайра,
Поэты ждут второго тура:
Стихи звучали б до утра,
Но кто-то знак подал – пора!
В тени Бабура.

Гигантской чашей Фергана
В саду у ног лежала наших,
Как чаша тёмного вина;
Пахнуло жутью вдруг со дна
Гигантской чаши.

Во тьме крошечной мчались мы –
При свете молний бег поспешный,
В машине, с песнею потешной,
И смех – как грех среди чумы –
Во тьме крошечной...

ШЭКИ

Под знаком Фатали –
и сердце вдруг забьётся
На том краю земли, что Азией зовётся,
На том краю земли, у самой дальней дали
Под знаком Фатали –
оркестрик на вокзале.

Шёл дождь в тот день в Шэки –
мы пробуем шербеты,
Коснись моей щеки –
ещё нельзя об этом,
В музее старины, где заиграют азы,
Едва коснусь струны –
ты встрепенёшься сразу.

О музыка, играй,
твори свои повторы,
И караван-сарай, дворцовых стен узоры
Везде – и ритм живуч,
упругий изначально,
И взгляд напротив жгуч –
подскажет дрожь – фатально.

КОЛХИДА

Случились подряд невозможные вещи:
Звонок твой – а прежде землетрясение...
И май отошёл в своём блеске зловещем
Мистерией смерти и воскресенья.

Всё взволновалось – погода и цены,
Катится шар всё быстрее по наклонной...
Не Афродита рождается в пене –
Змей выползает к Лаокоону.

Странно не манят далёкие виды.
Вянут в цвету мировые идеи...
Но плодоносна, как прежде, Колхида,
Ждёт аргонавтов у моря Медея.

Он не изменит, всё будет иначе!
Нету отвергнутых или отвергших!
Наша надежда жива, если плачем, –
Как же всех жаль, и живых, и умерших...

Полные соком, и солнцем, и кровью
Дни, драгоценней пригоршни черешен...
Если нет в мире бессмертной любви,
Если – мы знаем – конец неизбежен,

Если остались ещё обольщенья,
Если и правда дела наши плохи –
Боже, прости мне мои прегрешенья,
Не отбирай этой радости крохи...

КИТАЙ

Он назывался прежде Дальний –
Восточный русский бастион.
Полвека новости печальной –
Далянь китайский – это он.

Здесь дышит всё разумной силой,
Встаёт многоэтажек рать.
Но Порт-Артур, его могилы?
Про это грустно вспоминать...

Китай – великая загадка,
Для европейцев – дальний свет.
Страна отменного порядка:
Уюта – нет, покоя – нет.

СОН В ТАИЛАНДЕ

Эта девочка – серая мышка.
Я в холодной воде по лодыжки:
То ли явь, то ли бред, то ли сон –
Закрывает лицо капюшон.

Эта девочка – серая мышка,
Я волшебнице той до подмышки
Из страны запредельной, иной...
Ей известно, что станет со мной:

«Ты останешься серою мышкой,
Пока ветер не скинет задвижку
И откроется тайная дверь, –
Так не бойся, готовься, поверь!»

То ли девочка, то ли старушка,
И очки с перекошенной дужкой
Мне мешают туда заглянуть,
Где давно обозначен мой путь...

* * *

Но было что-то с давних пор
(Нет, точно было, не казалось!) –
Та неуловленная малость –
Что ускользала и терялась,
Ей и названья нет, так, вздор.

Но без неё всё просто сор –
Успехи вызывали жалость,
Чуть-чуть, а планка всё сбивалась,
И высота не достигалась,
Обрывки не сплелись в узор.

А время всё крадет, как вор,
И с каждым днём сильней усталость,
Одна надежда мне осталась:
Что впереди ещё та малость
Блеснёт, согрев последний взор.

VIII

Как трудно дались эти годы

* * *

Свинцовою тучей прошёл над страной
Тот год, самый первый из прожитых мной:
Волна эпидемий, и голод, и зной,
Далёкого грома раскаты –
Сердца в напряжении сжаты.

Нас выжило мало, рождённых тогда:
По капле сочилась живая вода...
А мама была ещё так молода!
Свой хлебный паёк продавала –
От смерти собой укрывала.

Но дни испытаний, години невзгод –
Нам после как вехи возможных высот.
Но манит азийский мерцающий свод
Раскосым и угольным взглядом...
Мне имя дано Ашхабадом.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВЕСНА

Дворы-мешки, дворы-колодцы...
Что там, за каменной стеной?
Ни шагу, чтоб не напороться
На след, оставленный войной.

Вприпрыжку с улицы сквозь арку
(Где втайне мы жевали вар)
Бежала, радуясь подарку,
Но улетал за крышу шар.

Печали детства так мгновенны,
И было нечего копить,
Но предлагал нам немец пленный
За хлеб копилку смастерить.

Весна по улицам бродила,
Дул тёплый ветер из-за стен...
Тогда с особенною силой
Счастливых ждали перемен!

ПОКОЛЕНЬЕ

Только в физике соль,
Остальное всё – ноль...

Из физфаковского фольклора 60-х годов

Мне юный помнится запал!
Престижность – это поздний фактор...
К высокой жертвенности звал
Нас ядерный реактор.

Пусть девять дней продлится год,
Пусть смертоносно облученье...
Совпал гагаринский полёт
С годами нашего ученья.

Но гибли избранные те,
Навек потери сердце ранят:
Гагарин – в звёздной высоте,
Баталов – на экране.

А нас судьба щадила – в срок
Иные распахнулись дали...
И много пройдено дорог,
Но физики скромнее стали.

ОДНОКУРСНИКАМ

Здесь ожидали перемены
Пять с половиной лет подряд...
Теперь готовы эти стены
Принять последний наш парад.

Тяни, отличник, выше руку!
Тяни билет, ответ готовь!
Здесь постигали мы науку.
Тут настигала нас любовь.

Нас прочные связали узы
На протяжении всех лет...
Мы из Советского Союза –
Его на карте больше нет.

Час пробил ценностей нетленных –
Вершится то, что суждено:
Мы, дети страшных лет военных,
Уходим медленно на дно...

«ЗОСИМА ШАШКОВ»

– Свет непогасный, небо как веер,
Веет прохладой, сумрак лилов,
Стрелкой магнитной – строго на север
Тихо скользит наш «Зосима Шашков».

Лес вдоль канала – мёртвая стража,
Ненависть гибнущих – твёрдый гранит,
Кровью окрашены оды – и даже
Кажется – это скольжение в Аид.

Преображение боли бездонной
И красоты обжигающий след...
Нежно-шафранный и блекло-лимонный
Этот печальный, торжественный свет.

ЧЕРНОБЫЛЬСКИЕ ОБЛАКА

И начиналось утро – морем,
И называлось это – счастьем:
Бакинский университет,
Распада и в помине нет

Того, что звали мы Отчизной..
Ты позволял мне быть капризной,
Ступени медленно вели
В урок азербайджан-дили.

Восток загадочный, неспешный.
У поцелуев вкус черешни..
Но ветер гнал издалека
Чернобыльские облака.

Беда – она подкралась с тыла,
Тогда нас всех разъединило,
Но что до этого теперь
Во мгле сегодняшних потерь?

Но, как бесценные каменья,
Перебираю те мгновенья –
Нетленной радости запас,
Что на плаву удержит нас.

ПОЕЗД ЗАСТЫЛ

Думали – нищие мы...

Анна Ахматова

Поезд застыл – вокзал поехал:
Это земля течёт под ногами...
Крикнешь – куда? – но не слышно эха:
Это Родина расстается с нами.

Думали – это от нас зависит,
Синий плащ примеряли – к разлуке,
И вот непонятно над чем повисли,
Чувствую – ослабевают руки.

Вдруг ощутилось клеймо сиротства,
Птицы взметнулись – вслед за отцами...
Мы проиграли своё первородство –
И Родина расстается с нами.

* * *

Как трудно дались эти годы
С частицей и чёрточкой – post.
Подземные переходы –
Тупик или к вечности мост?

Где мечутся люди и тени
(И кто их теперь различит?),
И нищий сидит на ступени,
И голос в тумане звучит:

Какой-то романс запоздалый
Про сад в хризантемах и снег...
И вот порученец усталый
На миг, но замедлит свой бег:

И если не музыка – что же
Продлит экзистенции миг,
Раздвинуть пределы поможет,
И мы не упрёмся в тупик?

«АНЮТА», БАЛЕТ

Этот надтреснутый,
горестный голос шарманки,
Нищий учитель,
закутанный в клетчатый плед...

Вот и Анята –
а рядом братишки-подранки,
Хлопьями снега по сцене танцующий свет.

Сразу –
ни кремовых штор, ни тепла, ни уюта:
Вот фисгармонию вынесли,
гаснет свеча...

В стае поклонников вдаль
уплывает Анята,
Вслед гимназисты,
и плед упадет с плеча.

Прочь из убогой провинции рвёшься упрямо,
Весь в интуристах –
тебе рукоплещет партер.
Вместо «Жизели» заgrabной –
житейская драма,
Но в дребезжанье врывается
музыка сфер.

И в упоительном вальсе проносится мимо –
Робкой любовью стихию не превозмочь...
Жизнь – это гибельный танец! Да будет хранима
Эта Анята,
Россия,
сестра,
моя дочь!

БОЛИТ МНЕ РОССИЯ

Ласковы моря объятья,
Берег нависший из скал...
«Что ж вы нас бросили, братья?» –
Панко негромко сказал.

Были когда-то мы в силе,
Панко, мой названный брат.
Нас под гипнозом лишили
Прежних заслуг и наград,

Чести, достоинства, славы...
Новый порядок – виват!
Если богатый, то правый,
Бедный всегда виноват.

Если нет золота, плата –
Кровь наших юных сынов...
Русь, ты и впрямь виновата
Сменой не вех, но основ.

Впрочем, к чему эти споры?
Светлый мерещится блик –
Духа славянства основа:
Речи пречистый родник.

СВЕТ ДАЛЁКИХ ЗВЁЗД

Красавицы послевоенных лет,
Их вуалетки, шляпки, платья...
Их притяжения секрет
Здесь попытаюсь разгадать я.

Как луч прожектора – глаза
Впитали токи глаз погасших!
Отказывали тормоза
У сильных, пол-Европы спасших

Солдат вернувшихся – но вдруг
Капитуляция без боя –
И вот, попавший под каблук,
Идёт счастливец под конвоем.

Те крепдешины и шелка
Так облипали их фигуры,
Не «в кольцах узкая рука»,
А в крепких пальцах с маникюром.

На солнце-клёше тех материй
Цветы приманчиво цвели...
Четыре года – сплошь потери
Родной истерзанной земли.

Красавицы послевоенных лет,
Их непогасное сиянье...
Тех звёзд далёких нежный свет
Пронизывает мирозданье.

IX

Посвященья

* * *

Михасю Стрельцову

Словечко забытое бросили Вы –
«Прощвырнёмся!»
И вот мы из дома ушли
и никак не вернёмся.
Где шильдочка «Шлях Старовіленскі»,
медленно бродим,
Вплотную почти –
но друг друга никак не находим...

Все прежние наши любви
проснулись с весною,
Незримой рекою текут
между Вами и мною.

* * *

И вдруг поверить до конца
Посмела истово, рисково
(А сердце к радости готово!)
Не в обещание, не в слово,
А в выражение лица.

В тревожном возгласе «алло!»
Есть просьба отклика, ответа
(Пока провалится монета...) –
Потоком хлынувшего света,
Как половодьем, понесло.

Теперь могу сказать – жила,
Хоть и на праздник опоздала,
Дары пригоршнями черпала,
Но лета выдалось так мало –
Ни крошки впрок не запасла.

И были озеро, трава,
Но подступили сроки, даты,
Ты не звонишь – я виновата,
И прозвучал мотив утраты
Уже вдали, едва-едва.

И тень ползёт от вечной тьмы,
И холод в сердце ищет щели...
Ты помнишь лёгкий снег в апреле?
Кто был счастливее, чем мы!

* * *

Полоцк, поцелуй в висок, София,
Грозное чернобыльское лето...
Земли эти древние, святые –
Как связать, как выразить всё это?

Ни толики не дано покоя
Ефросинье – долгая дорога...
На холме высоком над рекою
Неизбывна тайная тревога.

Чудное явление Скорины,
Сквер тенист, и прихотливы зданья...
Год с немногим до твоей кончины –
Ночью беспричинные рыданья.

Не спасёт премудрая София,
Безутешный плач – не быть нам вместе...
Чьи предупреждения скупые –
Роковые будущего вести?

* * *

Стряхнув осенних листьев бредни,
Судьба свернулась эпизодом...
Не вспоминай тот день последний,
Лицо в слезах перед уходом.

Мой свете ясный! До разрыва
Была придирчивой и вздорной...
Но не забудь и той, счастливой,
Весной, на улице просторной.

Тень от весла скользит по глади,
Насквозь пронизанная светом...
Запомни в том зелёном платье,
Что так к лицу мне было летом!

Куст можжевельный у дачи
Заледенел в оцепенении...
Ты был, ты есть – о чём же плачу?
Зимой целительно забвение.

ДОМ ПОЭТА

Вениамину Блаженному

И приоткрылась тихо дверь:
Ты попадаешь в мир особый,
Для зависти и мелкой злобы
Недосягаемый теперь.

Стряхни слой пыли с башмаков,
С души – обыденности меты –
И станут внятными поэты
Иных столетий и веков.

И устремится к высям дух:
Жизнь коротка, искусство вечно...
А за столом, кружась беспечно,
Роится тополиный пух.

Как, неужели это снег?
Я забежала тёплым летом...
Что значит встретиться с поэтом –
Неразличимы миг
и век.

ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ

В.А. Коваленко

Воздать хвалу... Но снова трушу.
Пусть даже не лицом к лицу.
Но тайны сердца не нарушу,
Не сдуну с бабочки пыльцу...

Пока слова звучали лживо,
Пока в сердцах копилась злость,
Вы сохранили душу живу –
О, как вам это удалось?

В литературу званных много,
Пьянит известность, как угар,
Но в каждом видеть образ Бога –
Вот высшей избранности дар!

Пускай подобие отчасти –
За нас на крест взошёл Христос...
Кто тяготится всякой властью –
Тот до неё и впрямь дорос.

И вера в лучшее – опора,
И не умрут добро и честь!
...Слышны шаги по коридору:
Скорей туда, навстречу взору –
Свет ежеутренний – Вы есть!

ПАМЯТИ ГЕРОЯ

П. Машерову

...Из горнила боёв выходящий живым,
Не подавшийся вражеской пуле...
Листья липнут к промокшим от слёз мостовым,
Город в горестном карауле.

Дождь, безмерную скорбь нашу в землю излей!
Ветер – вей, стань, отчаянье, – силой!
Прежде скрытая горечь улыбки твоей
С фотографии вдруг проступила.

Вот и площадь Победы, споткнулся лафет,
Только листьев тревожная заметь...
Только тянется в небо, где в тучах просвет,
Словно деревце, светлая память.

БЕЛАРУСЬ

О Беларусь, моя коханка!
Крыжовка, озеро, река,
Лес вдоль дороги – полянка:
Владения боровика.

Твоя навеки полонянка –
Отцовский дом стоит пока:
За баней скромная делянка,
Фасоли грядка – как строка.

Но каюсь, давняя беглянка, –
Легко любить издалека...
На белорусской вышиванке
Всплакну над синью василька.

КОШКА СЕРАЯ В ПОЛОСКУ

На стене, овитой диким виноградом,
Освещённой предзакатным солнцем,
Кошка эта серая в полоску
Нежится в лучах его неярких.

Кошечка ничья, себе хозяйка,
Потому пуглива, осторожна,
На людей с опаскою взирает,
Подманить себя едой не позволяет.

Почему так душу надрывает
Красота последних дней погожих?
Почему на сердце так тревожно
В яркие сентябрьские закаты?

Кошечка, вот-вот подует ветер
Ледяной, с ним горести-печали,
Скоро, скоро грянет зимний холод –
Поищи убежище в подвале.

Мудро ли предчувствовать утраты
Или игнорировать приметы?
Кошечка, души моей отрада,
Доживём ли мы с тобой до лета?

* * *

Блаженны одни телевизор смотрящие.
Каюсь – святыни затрону:
Выпуглоглазое чудо, стоящее
Там, где висела икона.

Трудно достался и стоил недёшево.
Бедные, бедные предки:
Вам и не снилось, какое мы крошево,
Кушая, смотрим с кушетки.

Если же в душу закралось сомнение –
Глаз не допустит урона,
И начинается райское пение
Сиринов – по микрофону...

Так я считала – недавно по времени –
Несколько лет быстротечных,
Принадлежала к счастливому племени
Гордых, семейных, беспечных...

Мой телевизор на завтрак, за ужином
Гостем включился бессменным.
Знать, за грехи наречён моим суженым...
Нищие духом – блаженны!

ВЗГЛЯД

Доброта ли мягкотелость?
Поступала как хотелось,
Из души моей обиды
Время смыло как волной.

Но сквозь годы, как сквозь чашу,
Продирается всё чаще,
Не теряется из виду
Взгляд обиженного мной.

ЗВОНОК В ОКТЯБРЕ

Одoleет ли дух тёмную полосу?
Тяготеет слух к твоему голосу –

В сумерках листья сияют ярко,
Когда возвращаюсь Петровским парком.

Похищает осень кусочки света,
Возвращает голос в нарочанское лето.

Шелестели и наши сады Лицея.
Опустели, но памяти панацея –

Физики-лирики, лодки скользящие...
Прошлое – пройдено, есть настоящее:

Горечь и нежность прежних утрат.
Голос. Густой, золотой листопад.

ПЕР ГЮНТ

И неожиданно заиграли Грига,
Люстру зажгли, зазвенел хрусталь,
И душа моя – тяжёлая, запылённая книга –
Приоткрылась, и обозначилась даль.

Притягательней песни о вечном скитальце
Я не слышал, но видел – вдали огни,
И нерешительные снежные пальцы
Перелистывают облетевшие дни.

Завели меня в зал, снегом одетый, –
Пол скользил, и звенел потолок,
И вдруг, словно выстрелом из пистолета,
Моей нищей мысли был дан толчок.

Я обрёл дар речи и как заклинание
Произнёс: я любил вас, я вас любил...
И тут душу мою, коченеющую в молчании,
Снег светом чистым своим осенил.

Содержание

I. Перо нам – от птицы

«Не тревожьте слова понапрасну...»	5
«Перо нам – от птицы...»	6
«Скарлатина, бумазья...»	7
Баллада о булочной	8
13 марта	9
«Зал филармонии, школьная форма, бельканто...»	10
«Вот стою на пороге, всем ветрам отверста...»	11
Город детства	12
Таврический сад	13
По Большой Пушкарской	14
Ночью белой	15
Четыре портрета	16

II. Благословенная Крыжовка

«Мимо пролетают...»	21
Лето	22
Дом в саду	23
Забывшие знания	24
Брату	25
Вспомните меня!	26
Полуночную чашей	27
Прощальное	28
Ангел на велосипеде	29
На распутье	30
Миллениум	31
Видение	32

III. Экзамен по литературе

14 сентября	35
Перед сном	36
Экзамен по литературе	37
М. Лермонтов	38
Рудин	39
Пушкинские дни	40
По улице Янки Купалы	41
Откуда в Минске Миссисипи?	42
Поезд Минск – Москва	43
«Три сестры»	44
Бульварное кольцо	45
Сон в поезде	46

IV. Ускользящее чудо

«Жизнь – упущенное чудо...»	49
Ты есть!	50
Люблю	51
Я многого не понимаю	52
Пряжа	53
Бурьян	54
Причастность	55
Март	56
Ермака покоряет Сибирь	57
Танцы	58
Бургас, Приморско	59
Благодать	60

V. Утекающее время

«Утекающее время... Прозвучало – слишком поздно!..»	63
Электронный циферблат	64
Пленная птица	65
Маме	66
Щедрость сердца	67
Поездка в Рязань	68
Обратное зреньё	69
Симфония	70
«Сжимает сердце тревога...»	71
Визит в Узкое	72
Рассыпанный роман	73
Мост	74

VI. Сны-городá

Сны-города	77
Вильнюс	78
Остробрамское	79
Старая Рига	80
Пани Варшава	81
Лодзь	82
София	83
Венеция	84
Рим	85
Амстердам	86
Парижский сонет	87
Сент-Женевьев-де-Буа	88

VII. Восточные мотивы

Запретный плод	91
Кочевница из Ашхабада	92

Пушкинский профиль.....	93
Посвящение в восточном стиле.....	94
Баку.....	95
Красноводск.....	96
Фергана.....	97
Шэки.....	98
Колхида.....	99
Китай.....	100
Сон в Таиланде.....	101
«Но было что-то с давних пор...».....	102

VIII. Как трудно дались эти годы

Арбат.....	105
«Свинцовою тучей...».....	106
Ленинградская весна.....	107
Поколение.....	108
Однокурсникам.....	109
«Зосима Шашков».....	110
Чернобыльские облака.....	111
Поезд застыл.....	112
«Как трудно дались эти годы...».....	113
«Анюта», балет.....	114
Болят мне Россия.....	115
Свет далёких звёзд.....	116

IX. Посвящения

«Словечко забытое бросили Вы – “Прошвырнёмся!”...».....	119
«И вдруг поверить до конца...».....	119
«Полоцк, поцелуй в висок, София...».....	120
«Страхнув осенних листьев бредни...».....	121
Дом поэта.....	122
Институт литературы.....	123
Памяти героя.....	124
Беларусь.....	125
Петровский парк.....	126
Галинка.....	127
Кошка серая в полоску.....	128
«Блаженны одни телевизор смотрящие...».....	129
Взгляд.....	130
Звонок в октябре.....	131
Пер Гюнт.....	132

Литературно-художественное издание

Любовь Николаевна Турбина
Ангел на велосипеде

Корректор – Е. Якимова
Дизайн-макет – Т. Таранова

Подписано в печать 30.11.2016 г.
Формат 84х108/32. Гарнитура Petersburg.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 4,3 . Тираж 250 экз. Заказ № 986.

ISBN 978-5-00095-273-3

ИПО «У Никитских ворот»
121069, г. Москва,
ул. Большая Никитская, д. 50а/5, стр.1.
Тел. (495) 690-67-19
www.uniki.ru